



МОСКОВСКИХ ржецов искусства безгранична

лицах СССР. Когда более или менее выплывет вся штука, тогда напишу тебе подробно <...> Совершенно очевидно, что мы подросли настолько, что надо вылезать на самостоятельный путь.

25 ноября
Сейчас я в театре пишу письмо. Мастер ставит пародию на «Красный мак». Одна формочка осталась. Все картины с иронией устраивает <...>

3 декабря
Вс«еволод» ставит «Последний и решительный». Одну картину поставил хорошо, Боголюбов умирает семь минут, причем Сам показывал с большим искусством. Ругать за эту картину будут страшно. Картина очень по-западному поставлена, с пацифистскими тенденциями, но очень традиционно и поэтому крепко.

14 декабря
Местком просил помочь оформить встречу Нового года на Электрозаводе. Я взялся. Сегодня утром был на заводе. Из этого можно сделать довольно интересную вещь.

После Электрозавода <...> был на радио. Сговорился <...> о «1905 годе». Я буду читать «Морской мятеж».

24 декабря
В Радио я провел уже три репетиции <...> Там мне хотят дать делать очерк либо Всеволода Иванова, либо Шкловского.

26 декабря
Репетиция шла нынче хорошо, очень много места пошло. Как говорят, на роль моего партнера вместо Штрауха назначают Ильинского <...> Вс«еволод» мне поставил очень хороший выход. Вишневецкий талантлив до черта и очень приятен и прост.

28 декабря
В ГостТиме следующее. Штрауха сняли, и роль моего партнера играет Игорь, но так как он поставил себя богом, то ему переписал Вишневецкий весь эпизод, так что роль Жян Вальжана, т. е. моя, получилась больше, чем куцая. В таком виде я ее, конечно, играть не буду, и сегодня на репетиции во время «Д. Е.» было следующее: после выхода Ильинского, когда стало очевидно,

что этот, т. е. Жян Вальжан, ничего не делает, Всеволод подбегает, чтобы показать, как мне открыть бутылки. Я ему заявил, что иду гримироваться на пустыню, и ушел. После пустыни ко мне прислали помрежа, я нарочно разгримировывался час...> Нынче был с Эрдманом в Радио, он там хочет работать. По дороге зашли в «Academi», и он мне подарил книгу Толстого с надписью.

29 декабря
Нынче я решил на репетицию не ходить и проспал до 2 часов, пришел к 2, и, как оказалось, репетиция и не начиналась по причине болезни премьера. К нему на квартиру поехал Вишневецкий, очевидно, его уговаривать. Этот морячок довольно упрямый и хочет пьесу свою обставить звездами. Не знаю, что из всего этого будет.

1931

2 января, Москва
В «Последнем решительном» каждый день приносит решительные перемены <...> Ильинский болен, и чувствуется, что выздоравливает только после премьеры. Как мне кажется, Штрауху эту роль не поднять. Мадемазель Райх от Кармен (роль портовой проститутки. — **Газета**) отказывается, и Тяпкину вызывают на репетицию <...> Что-то будет... Моя интуиция почему-то очень одобряет меня с этим спектаклем. Папулю водил сегодня полюбоваться искусством. Смотрел он «Выстрел». Досидел до конца, но как будто не очень остался доволен.

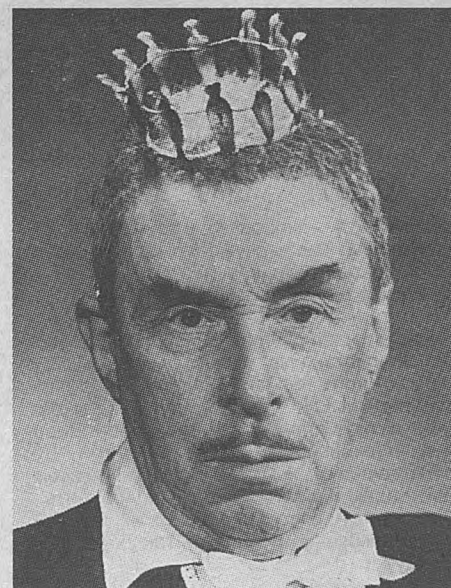
6 января
Сегодня на репетиции мэтр сделал мне довольно приличный кусок, причем, как говорят в публике, кусок со слезой, такой «комсомол-неврастеник». Завтра на 11 часов назначена закрытая репетиция, вызываются и Штраух, и Ильинский, и Райх, и Тяпкина. Я один без дубля <...> Мэтр мне переделал и первую сцену, и я не могу пожаловаться, что это стало хуже, пожалуй, даже лучше.

8 января
Мне повезло, что отказался читать в «1905 годе». Вчера состоялась, так сказать, премьера. После был диспут, причем очень ругался Пастернак, ему очень не понравилось. Качалов тоже не участвовал.

11 января
Слушала ли ты сегодня? Как будто сегодня передача была неплохая, хотя случилась авария со вторым микрофоном — он во время второй части сломался, и вся вторая часть шла на одном микрофоне.

12 января
Нынче читали новый эпизод, который прислал Вишневецкий. Я и Мейеру посоветовал заткнуть фонтан этому автору, каждая новая вставка все хуже и хуже, просто тошно слушать, да как будто и Вс«еволод» надоело ставить <...> Купил книжечку Тынянова «Поручик Киж», очень изящно изданную, а читаю Шкловского — о толстовской «Войне и мире».

16 января
У Горького вычитал совершенно замечательные строки о людях наедине с собой. Он застал Толстого, в солнечный день стоящим над ящерницей, и тот всерьез спрашивал его: «Ну что, хорошо тебе?» И через некоторую



паузу: «А мне нехорошо!» И там очень любопытные, прямо для сцены, ситуации.

17 января
Я очень обрадован твоим письмом и сегодня репетировал хорошо. Первый раз в эпизоде «В порту» играл оркестр музыки Шебалина. Музыка изумительная. Мэтр на ней разошелся и дал несколько приятных mise en scene. Елена Алексеевна в панике, так как после вчерашней прогонной репетиции З. Р. захотела опять играть Кармен и сообщила об этом Е. А., но сказала, что будет с ней в очереди. Та, конечно, в панику <...> так что пришлось ее долго успокаивать. Игорьек опять изволили заболеть, хотя вчера халтурили. Так что понять ансамбль, в котором мне приходится играть, невозможно. Все же я значительно похамел и импровизационно присваиваю себе слова и игрушку.

22 января, Москва
Спектакль, несмотря на Вишневецкого, получается очень приличный (как мне кажется) <...> За этот период как будто совсем были из пьесы Игорь и Тяпа. Последняя хоть и сидит на репетициях, но только скучит.

24 января
Вчера посмотрел прогонную репетицию, и что-то мне не понравилось: то ли объясняется усталостью, то ли уже потеряли всякие критерии, но настроился я мрачно. Тяпкина на меня все уговаривала повеселеть и расказывала неприличные анекдоты <...> Нынче наконец пришел гений, но репетировал вполголоса. Всеволод около него уживался до противности, даже о Зине забыл, как будто ее не существует: показывал, бегал, а Игорь повторял, как бы делал одолжение.

3 марта
Нынче утром читали вновь переделанную пьесу Олеси. Она мне окончательно не понравилась. Трактует проблему, которая абсолютно никому не интересна <...> Проблема интеллигенции, причем главный персонаж списан с З. Райх. Какая это интеллигенция и кого она может интересовать, да и вообще этот вопрос о пупе земли — какое высокомерие и гнусность для наших дней.

8 марта
Читал нынче письма в редакцию «За ком-

мунистическое просвещение» Вс. Вишневецкого, из которых явствует совершенно, что это низко души человек и дурак к тому же.

16 марта
Ночью видел кошмарный сон, причем там мне продемонстрировали один трючок, который в кино может пригодиться <...> Сны мне снятся редко, и поэтому нынче я очень мрачно настроен.

19 марта
Ходил сегодня в третий раз на лыжах. Это великолепно. Вечером же, возвращаясь домой из кино, где видел замечательную комедию с уч«астием» Бэб Даниэльс «Плыви, девушка, плыви», нарвался на Мастера. Он говорит: «Где же ты пропадаешь?» — Я говорю: «Накапливаю оптимизма на лыжах». Завтра опять собираюсь на Воробьевы горы. Нынче ходил в Сокольниках, оказывается, там прекрасный сосновый лес, чистый воздух и вообще благодать <...> Начали разрабатывать «Дирижабль».

От лыж загорелся. За последнее время очень большевизировался. Попутнический курс ГостТима стал для меня явно тесен <...>



Читай хорошие книги вроде «Уленшпигеля» или «Пантагрюэля», не читай интеллигентщины ленинградской.

20 марта
Утром нынче смотрел вашу картину (фильм Г. Козинцева и Л. Трауберга «Одна» — **Газета**). Хорошо, конечно, но нестерпимо скучно. То я музыку воспринимал как эффе́кт монодраматический, то натуралистический, то просто сопроводительный. Все же выдумочки, как, например, «Какая хорошая будет жизнь», — говно <...> Что же касается немоты, то тут безупречен один Москвин — все сделанное им замечательно. У ФЭКСов же можно учиться, по-моему, только построению кадра статического, все они сделаны очень хорошо. Как только в кадре начинается движение, то оно намного ниже <...> Что же касается их умения строить, как говорится, по вертикали, то они обладают какой-то необычной способностью так замаргивать, застилизовать, заликовать материал, что зевота разрывает челюсти <...> Алтай подан совсем не ново и опять барски. Кузьмина на этот раз никаких вос-

торгов у меня не вызвала <...> Виделся с Козинцевым и с Траубергом; и тому, и другому сказал, что очень хорошо, но скучно, на что Козинцев сказал, что все говорят, что не скучно, и жалуют ее (кстати, судьба ее почему-то совсем не заинтересовывает), а Трауберг сказал: «Неужели нужно еще подрезать?» В общем, осадок от этого утреннего просмотра у меня довольно неважный, исправил его лишь тем, что немедленно после искусства пошел на Воробьевку и до 5 часов ходил на лыжах <...> Пессимизм мой по поводу картин и вообще искусства возможен еще и потому, что весной искусство тошно, а потом за последнее время уж очень я ненавижу барство <...> Тут еще, может быть, мешает личное знакомство с авторами <...> Мнения Мастера не знаю, да и знать не хочу. Ему Каверин нравится, он, должно быть, впадает в детство.

23 марта
В театре вчера произошел настолько скандальный случай, что впору <...> отмежеваться от своего вождя. Был спектакль, проданный пограничникам <...> Спектакль шел прекрасно, принимали очень хорошо. Начался диспут. Очень доброжелательно и культурно высказывались. Как вдруг вышел сам и начал совершенно неприлично всех громить, причем разговаривал так, как будто люди тем и заняты, что читают рецензии о ГостТиме <...> Я еще никогда не видел Всеволода, чтобы он так бездарно говорил и в позе какого-то Магомета. Естественно, тогда после речи публика начала возмущаться, и тогда эта опасная курица Зинаида Райх истощным голосом заорала: «Тревога! Трава! Трава!» и т. д. Мое впечатление от всего произошедшего: все это, конечно, очень печально <...>

26 марта, Москва
Утром нынче Мейер читал экспозицию <...> Решил он приемами символического театра орудовать. Установку <...> провозглашает как революцию. Разговор после доклад носил салонный, даже спиритический характер. Мадам вдохнула в него густой марксизм <...>

Акимов прав насчет «Одной»: теперь другие качества следует ценить в искусстве, совсем не те, к которым мы привыкли.

10 мая
Утром сегодня пошел на общее собрание ГостТима <...> Очень хорошо говорил Мастер <...> После собрания я с ним поздоровался, он очень был мил и спросил, кончил ли я. Я сказал, что осталось кое-что досказать. Ругнул ему это искусство. Тогда он оживился совсем и на ухо мне сказал: что граммфон, что звукокино — говно. Букавально <...>

23 июня
Козинцеву написал <...> Что касается того, что там фигурирует какой-то деревенский пареня, да еще веселый, мне не очень нравится, и ежели ты будешь с ними по этому поводу изъясняться, то на мой счет скажи, что я к Китону равняюсь. Мне свойственной мрачный гумор (конечно, так мне кажется) <...>

Прошу тебя очень дышать воздухом открыто и не пессимизироваться.

Полный текст выдержек из переписки Эраста Гарина с Хесей Локшиной будет опубликован в сборнике, который выйдет в свет в издательстве «Искусство».



Верная спутница и соавтор многих фильмов Гарина — Хеся Александровна Локшина (20-е годы)